

Способ призыва Иньлинов из Пучины Снов был до крайности прост. При условии, что «Ритуал «Лицом к Пучине» прошёл успешно и голос достиг цели, требовалось лишь сжать в руках священный артефакт и призвать духа по имени.

Тень у ног Шэнь Яня дрогнула, и из её вязкой глубины вышла женщина с пипой в руках — обитательница «весёлых кварталов». Годы стёрли свежесть её юности, но взамен подарили Ли Саньнян осанку и величие истинного мастера.

Казалось, она пребывала в ином мире, погружённая в собственные грёзы: то ли вспоминала трепет первой любви к юному книжнику, то ли бесконечные годы тихой печали и горечи, что в конце концов оборвали её жизнь.

В отличие от призванного ранее лучника Лю Си, который требовал от Шэнь Яня предельной концентрации внимания, Ли Саньнян, казалось, вовсе не замечала реальности. Отыскав себе место, она просто села и принялась перебирать струны, словно всё сущее вокруг не имело к ней ни малейшего отношения.

Шэнь Янь лишь диву давался. Он ведь просто обронил сочувственное слово — и вот, новый Иньлин предстал перед ним. Хотя после случая с Лю Чанъи он уже привык к неожиданностям, само ощущение прикосновения к легенде всё ещё казалось чем-то невероятным.

Окружающие в изумлении воззрились на юношу. Откуда у него взялся новый священный артефакт? Чжао Ко и вовсе выглядел так, будто у него случился приступ. Он осознал страшное: если этот невзрачный браслет — настоящий артефакт, значит, все те «сокровища», что он годами собирал и хранил, скорее всего, обычные псевдо-артефакты. Сердце командира обливалось кровью — золото было пущено на ветер. Он смотрел на Шэнь Яня, и в его взгляде боролись неведомые чувства.

А звуки пипы тем временем разлетались по складу. Перебор струн напоминал звон крупного жемчуга, рассыпающегося по нефритовому блюду; музыка была столь чистой и проникновенной, что касалась самых потаённых струн души. Шэнь Янь ничего не смыслил в игре на пипе, но чувствовал: Ли Саньнян — великий мастер. Она играла не просто музыку, она изливала саму жизнь, всю её горечь и дорожную пыль. Это исполнение завораживало.

Поначалу наёмники хотели расспросить Шэнь Яня о новой находке, но звуки пипы мигом стёрли всё лишнее из их голов. Эта музыка, подобно песням странствующих поэтов, исцеляла истерзанные души, смывала усталость долгого дня и, что было важнее всего, помогала восстановить духовные силы, истощённые использованием Иньлинов.

В тусклом свете масляной лампы, прихлёбывая лапшу под аккомпанемент пипы, люди чувствовали, как невзгоды отступают. Ли Саньнян играла около четверти часа — ровно столько Шэнь Янь мог поддерживать её присутствие. В голове его уже начала нарастать тягучая боль.

— Всё, больше не могу... мне нужно поспать, — пробормотал он.

Юноша собирался обсудить с остальными вкус лапши, но силы покинули его. Стоило ему добраться до своей подстилки, как он провалился в глубокий сон. Наёмники лишь переглядывались, цокая языками:

— Надо же, так недолго продержался... Совсем слаб здоровьем, бедняга.

Проснулся Шэнь Янь только на следующий день. Выйдя из склада, он не обнаружил даже Хуанцзая с его вечно шумной ватагой — детей и след простыл. Зато он увидел Чжао Ко, который с гаечным ключом в руках возился под грузовиком.

После долгого пути машина требовала внимания: кое-где разболтались болты, да и топливный бак, судя по всему, начал подтекать. Шэнь Янь нашёл крепкого «автомеханика» под машиной. Чжао Ко с испачканным маслом лицом даже в таком виде напоминал ожившую скульптуру.

— Нам нужно купить ещё трав и диких овощей, — сказал Шэнь Янь. — Того, что взяли вчера, на целую кадку не хватит.

Для закваски требовалась подходящая посуда. Юноша заметил большой чан для воды у входа — он вполне годился. Оставалось только соорудить крышку, придавить её камнем и замазать глиной все щели, чтобы не пропускать воздух. Метод был дедовский, но надёжный — такая герметизация позволяла хранить продукты долго. Минус был лишь один: каждый раз, когда нужно достать порцию овощей, придётся заново возиться с глиной.

— Пока сойдёт, — рассудил юноша, — а позже раздобудем настоящие кадки для солений. Ещё нам нужна печь. Я видел на улице те, что используют кузнецы — они в самый раз.

Лапшичную нужно было ставить в людном месте, а не здесь, на задворках склада. А значит, требовался переносной очаг. Чжао Ко, немного подумав, кивнул:

— Это устроим.

— И ещё понадобятся столы и лавки, — добавил Шэнь Янь.

Командир нахмурился:

— Это ещё зачем? Можно и на корточках поесть, держа миску в руках. Наёмники — народ неприхотливый.

— Мы открываем дело, — терпеливо возразил Шэнь Янь, — и всё должно быть чин по чину. Торговля — это не только миска лапши, но и уют. Посуди сам: при равной цене ты пойдёшь туда, где можно с комфортом насладиться едой, или туда, где придётся ютиться в грязи? Трапеза — это своего рода ритуал.

Он говорил так складно и разумно, что Чжао Ко не нашёлся что ответить. Командир уже начал замечать: этот парень мастер заговаривать зубы — любую мелочь он возводит в ранг великой истины, даже обычный ужин у него превращается в некое паломничество.

— Пойдём купим мебель? — предложил Шэнь Янь.

Опасаясь отказа, он уже приготовил новую порцию доводов, но Чжао Ко лишь махнул рукой:

— Зачем покупать? Сами сделаем.

Наёмники привыкли не тратить деньги на то, что можно соорудить своими руками. Шэнь Янь не стал спорить:

— Раз так, то давайте сделаем классические квадратные столы и длинные скамьи.

Юноша знал: в расстановке мебели тоже есть своя наука. Наёмники из разных отрядов редко доверяют друг другу, так что подсаживаться за чужой стол никто не станет. Между столами нужно оставить достаточно места — «зону безопасности», чтобы избежать случайных конфликтов.

— Высота у столов должна быть одинаковой, чтобы в случае чего их можно было составить вместе, — наставлял он.

Если придёт большой отряд, столы легко сдвигаются, и друзьям не придётся сидеть порознь. Чжао Ко лишь молча слушал. Он привык к обычным уличным лоткам, где товар раскладывают прямо на земле, и идеи Шэнь Яня казались ему в новинку, хотя для самого юноши это были простейшие вещи.

Работа закипела. Пока одни промывали и сушили овощи — причём сушили не на солнцепёке, а в тени, чтобы ушла лишь лишняя влага, — Чжао Ко раздобыл печь и материал для мебели.

Вечера теперь на складе проходили шумно. После возвращения с заданий наёмники принимались за плотницкое дело. Стук молотков и визг пил не затихал до глубокой ночи.

Шэнь Янь тем временем занимался кислой капустой. Подвяленные овощи он мелко шинковал — так процесс ферментации шёл куда быстрее. Перемешав их с солью, он плотно утрамбовывал массу в чан. Чтобы всё просолилось как следует, сверху уложили чистые тяжёлые камни, накрыли крышкой и снова прижали грузом. Затем все края густо замазали

глиной.

Когда этот странный запечатанный сосуд перенесли в прохладную тень, наёмники недоумённо окружили его:

— И это всё? Так и получится та самая кислая лапша?

— Интересно, какова она на вкус...

Спустя несколько дней были готовы первые два комплекта мебели. Чтобы добиться достойного качества, Шэнь Яню пришлось уговорить Чжао Ко потратиться на рубанок.

— Что такое рубанок? — вещал юноша под впечатлённым взглядом командира. — Это же венец мудрости трудового народа, настоящий артефакт в руках мастера!

Результат превзошёл ожидания. Сначала столы, сбитые наёмниками, были грубыми и занозистыми — есть за такими было сомнительным удовольствием. Но стоило пройтись по дереву рубанком, как всё изменилось. Инструмент обнажал естественный рисунок древесины, её первозданный цвет и красоту, а стружка завивалась изящными лепестками, похожими на цветы.

После шлифовки поверхность стала такой гладкой, что к ней приятно было прикоснуться щекой. Глядя на эти простые, но добротные вещи, Шэнь Янь ощущал почти забытое чувство домашнего уюта.

Переделка мебели заняла ещё несколько дней. Пока было готово всего два комплекта, но для маленькой лавки этого хватало. За это время удалось продать ещё немного ткани, и Чжао Ко на все вырученные деньги закупил зерна. Его спрятали в глубоком подвале под тяжёлым замком — так надёжно, что случайный человек ни за что бы не нашёл тайник.

Соленья Шэнь Яня тоже успели — мелко нарезанные овощи заквасились быстро.

— Итак, — подытожил юноша, — печь, посуда, мебель, чаши с палочками, соленья и мука — всё готово. Завтра выходим.

Цену за миску лапши тоже определили в ходе долгих споров. Место выбрали у городских ворот — оно было совсем близко от склада, так что всё оборудование можно было донести на руках, не тратя драгоценное топливо на грузовик. У ворот всегда кипела жизнь: наёмники уходили в пустошь или возвращались домой, и именно в такие моменты они охотнее всего расставались с деньгами ради горячего обеда. Тот, кто каждый день рискует жизнью, не склонен экономить на последней радости.

На следующий день, когда небо ещё только начало сереть, Шэнь Яня растолкали. Отряд,

нагруженный котлами, мебелью и припасами, двинулся к городским воротам. Там, на ровной площадке под сенью двух старых деревьев, они и расположились.

Кто-то принялся раскатывать тесто, кто-то разводил огонь под котлом. Вскоре над площадкой поднялся первый белый пар. В это же время над горизонтом показался край утреннего солнца.

У ворот начали появляться первые наёмники. Дети во главе с Хуанцзаем, покрасневшие от утренней прохлады, принялись звонко звать прохожих:

— Лапша! Свежая лапша!

— Горячая, вкусная лапша!

Однако, несмотря на все их старания, прохожие лишь с любопытством поглядывали на новый лоток, но никто не спешил садиться. Наёмники из «Тигров и Леопардов» начали хмуриться. Они-то знали, как хорош их товар, да и цена была честной — почему же никто не хочет попробовать?

Шэнь Янь быстро догадался, в чём дело. Лапша была в диковинку, и люди просто не понимали, что это такое. А наёмники не привыкли бросать деньги на ветер.

— Все проголодались, — распорядился юноша. — Тётушка Дун, давайте сначала сварим лапшу для себя. А вы, ребята, не смолкайте!

Женщины принялись за дело. Они использовали специальные сетчатые ковши-луцзы: порция лапши засыпалась внутрь и опускалась в кипяток. Это позволяло варить несколько порций одновременно и точно соблюдать дозировку, не заставляя клиентов ждать.

Белоснежные нити лапши заплясали в кипящей воде, и аппетитный аромат свежего теста начал медленно разлетаться вместе с белыми облаками пара.